

1870--1953

И. А. БУНИН

Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав и коммент. В. Крейд. -- М.: Республика, 1994.

OCR Бычков М. Н.

Содержание

Георгий Адамович. Бунин. Воспоминания

Борис Зайцев. Памяти Ивана и Веры Буниных

Вера Бунина-Муромцева. То, что я запомнила о Нобелевской премии

Свои самые совершенные вещи в прозе Бунин написал в эмиграции. Здесь достаточно напомнить лишь о таких его книгах, как "Солнечный удар", "Жизнь Арсеньева" и "Темные аллеи". Теперь они по достоинству считаются классикой XX в. Бунину, как никому другому из писателей эмиграции, повезло относительно мемуаристики. Воспоминаний и статей о нем написано столько, что они могли бы составить небольшую библиотеку. Заметное место в ней заняло бы блестящее эссе Г. Адамовича. Эти два человека столь различны в своей любви и отталкиваниях, жизненном опыте и вкусах, что их сближение (если бы оба жили в России, а не в тесном мире русской литературной Франции) вряд ли было возможным. Тем интереснее эти во всем независимые воспоминания Адамовича, ибо авторы большинства воспоминаний -- это люди, которые видели себя при Бунине кем-то вроде Эккермана при великом Гете. "Пожалуй, это ему больше льстит, чем всякие наивные сопоставления с другими великими предшественниками", -- писал А. Бахрах о порой мелькавшем сравнении Бунина с Гете. В том и состоит ценность подобных воспоминаний, поскольку мемуаристы оставили нам образ живого человека, в котором необыкновенный талант сочетался с обыкновенными слабостями.

Важнейшим событием в зарубежной жизни Бунина было присуждение ему в 1933 г. Нобелевской премии. О нобелевских днях немало написано мемуаристами, но нет среди этих воспоминаний ни одного, подобного запискам В. Буниной-Муромцевой, жены писателя. Безыскусные, непреднамеренные, непосредственные эти записки, изобилующие бытовыми мелочами, лучше всего вводят читателя в атмосферу тех дней. Присуждение премии Бунину было отпраздновано эмиграцией как ее собственный триумф. Настроения, связанные с торжествами, хорошо отражены во вступительном слове перед вручением Бунину награды. "Вы досконально исследовали, господин Бунин, душу ушедшей России, и, делая это, вы весьма достойно продолжили славные традиции великой русской литературы. Вы дали нам ценнейшую картину прежнего русского общества, и мы хорошо понимаем то чувство, с каким вы должны смотреть на разрушение общества, с которым вы были так сокровенно связаны. Да будет наше сочувствие хоть в некой мере вашим утешением в горести изгнания".

Георгий Адамович

Бунин. Воспоминания

Впервые увидел я его в петербургском "Привале комедиантов", на Марсовом Поле. Если не ошибаюсь, он только один раз там и был. Бунин стоял у стены, против входной двери, рассеян и хмуро глядя по сторонам, всем своим видом показывая, что ничто ему тут не по душе. Да и могло ли быть иначе? "Привал комедиантов" был последним прибежищем русского модернизма, возникшего в конце прошлого столетия, -- модернизма, Бунину чуждого и даже враждебного¹. Ярко размазанные стены с какими-то птицами и мифологическими чудовищами, в полутьме казавшимися еще причудливее, высокие, будто церковные, подсвечники, черные длинные скамьи вместо стульев или кресел -- нет, Бунину нравиться это не могло, и, несомненно, он чувствовал родство этой обстановки с тем, что было ему ненавистно в литературе. Он демонстративно молчал. Усмешка изредка кривила его губы. На